

Известия - 1997. - 22 авг. с 1, 2.

Манеж опустел

Первый день без Никулина

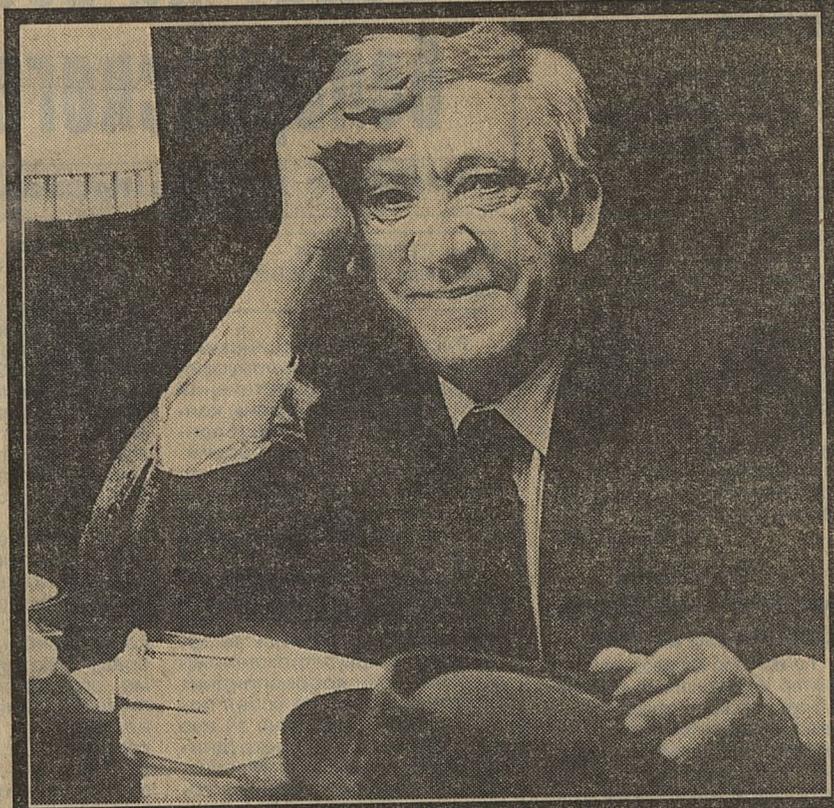

Фото из личного архива Юрия Владимировича.

Итак, чуда не произошло. Не стало самого смешного и самого лирического из артистов, российского Чаплина, чья улыбка, чья дурашливость, чьи анекдоты и чья человеческая глубина, за всем этим стоявшая, сделала Юрия Никулина, циркового человека, всенародно любимым.

Эта любовь уникальна. Вся страна следила за сообщениями из больницы. Все новости ими начинались и ими заканчивались. Все замерли в предощущении горя.

И свалилось горе — на плечи каждого.

Значит, ушел не просто артист. Пока люди шутят, пока травят анекдоты, пока умеют смеяться над собой и над судьбой-индейкой, они живы. Никулин освещал своим светом целую страну. Он давал силы даже в самую трудную минуту. Не знаю, чем. Своим существованием.

Потому что нельзя же всерьез считать, что погоня за псом Барбосом или похищение Кавказской пленницы — это и есть смысл эпохи.

Но ясно, именно эти мгновения, всех нас объединявшие, оказались долговечнее всего того, что мы почитали историческим и судьбоносным. Судьбоносное отлетело — осталась соль земли и нации. Это были, как оказалось, мгновения на все времена.

Чудом был сам приход Никулина. Спокойно могло случиться, что он ушел бы, как соблазнили, в милиционеры. Его не брали в Институт кинематографии ("Вы совершенно для кино не подходите"), не очень интересовались им в театрах. С детства играл в школьных и семейных спектаклях Гоголя и Пушкина, на войне задолго до всякого телевидения создал "Клуб веселых и находчивых" — а в искусство не брали. Первым разглядел молодой Эфрос, позвал в студию нищую, но талантливую. Там играли Лопе де Вега. Но хотелось всего сразу. Ушел в цирковое училище. Приемная комиссия хмурилась: непластичен, неспособен, неинтересен. Работал на "подсадках", изображал человека из толпы.

Он был уникальным человеком из толпы. Он был близок каждому — тот "Иван-дурак", который заставлял каждого ощутить себя — умницей.

И его сразу полюбили. Его дуэт с Михаилом Шуйдиным стал классикой цирка. Ради этого дуэта ходили, стояли в очередях, все остальное было пусть блистательным, но гарниром к главному.

Он был на арене бедолагой-растеряхой, ему доставались все шишки судьбы, он их переживал мужественно, был необыкновенно живучим и никогда не терял оптимизма.

Свой в доску. Такой не мог бы появиться в Америке или Франции. Но и Чаплин вряд ли появился бы в России. Поэтому оба — навсегда.

"Человек из толпы" у нас не может претендовать на главную роль. Для главных ролей есть другие, особые, для них — привилегия стоять над толпой. На "Ленфильме" Никулина записали в ранг актеров-эпизодников.

Никто же не знал, что из эпизодов как раз и создается жизнь человека и страны. Никулин навсегда остался эпизодником, только эпизод неожиданно и, как выяснилось, по праву выразил самую суть.

Он играл уже и главные роли, оставаясь человеком из толпы. И открыл нам толпу как средоточие людей ярких, даже более ярких и содержательных, чем иные премьеры этого трагикомического спектакля — перевернутой нашей жизни.

Он стал нам как родственник. Который просто уезжал куда-то время от времени, чтобы вернуться, каждый раз вызывая всеобщий восторг. Людмила Гурченко звала его "папой". Кристина Орбакайте, снявшись с ним в "Чучеле", обрела "дедулю". Вечерами он приходил за наш семейный стол со своим "Белым попугаем" и очередной порцией анекдотов, запас которых у него казался неисчерпаемым. Рассказывал очень серьезно, и это было правильно, потому что анекдот как в советской, так и в постсоветской жизни занимает в России совершенно особое, еще не до конца исследованное место.

Его экранный образ слился с его образом человеческим. Что было, конечно, самым главным его розыгрышем. Никто никогда не подозревал, что этот человек может страдать, болеть, может отчаиваться или терять веру в свои силы. Это заблуждение ему помогало: он делал невозможное, потому что не было такого человека, ни в толпе, ни над толпой, кто его бы не любил.

Это ведь тоже уникальный случай: в стране, которую разъедают распри и где недоброжелательство стало едва ли не фирменным блюдом, все объединилось в любви к клоуну. И все готовы были броситься ему на помощь.

Как теперь бросились все врачи, все журналисты, все люди страны, мысленно желавшие Никулину выкарабкаться из пучины.

С помощью властей он смог реализовать свою мечту — построил новый старый цирк, свой главный дом себе и каждому, кто придет в гости. Ему помогали, когда он приходил просить за других — и кто теперь измерит объем добра, вполне конкретного, которое он сделал конкретным товарищам по искусству!

Эпизодник не мог претендовать на главную роль. Он просто ее сыграл.

В кино он дебютировал в роли абсолютно клоунской. Сыграл любителя-пиротехника в комедии "Девушка с гитарой". Длинный человек в кепочке с горящим взглядом фанатика предлагал скучной комиссии молодежного фестиваля свое изобретение, свой аттракцион — самовзрывающуюся ракету. Комиссия исправно взрывалась, перемазанный сажей пиротехник пламенел взором, и этот эпизод, собственно, и остался от всего этого фильма как в киноистории, так и в памяти поколений.

Пиротехник взорвал все наше кино новыми идеями. Это он открыл, что смешной эпизод может выразить суть людей и общества.

(Окончание на 2-й стр.)

Манеж опустел

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Потом возникли "Пес Барбос" с "Самогонщиками", заговорили о новом триумфальном пришествии "комического" в наше киноискусство, но только гораздо позже стало ясно, что само это явление жанра сделал возможным Юрий Никулин. Он был той первой искрой, из которой потом разгорелось пламя Леонида Гайдая сотоварищи, веселый костер, у которого грелись миллионы. Никто же никогда не подсчитывал, сколько раз мы смотрели и пересматривали "Бриллиантовую руку", каждый раз, как впервые, хохоча над насмех знакомыми приключениями нашего человека в "городе контрастов". Это уже была совсем главная роль, и в фильме, и в жизни, но никто ее таковой не почитал — не принято у нас всерьез относиться к несерьезному, никто не выдвигал гениальную картину на фестивали, никто не спешил увенчать гениальных исполнителей лаврами, это был словно какой-то другой мир, где награды были только самые скромные.

Такие, как народная любовь.

В этом мире прожили свою жизнь эпизодники нашей культуры — Высоцкий, Леонов со своими негероичными героями, Окуджава со своим лирическим Арбатом... Знаковые фигуры времени. Кто к ним относился слишком всерьез! И слава Богу. Есть небожители. И есть просто человеки. А сердцу не прикажешь.

Никулина пригласили играть нормальный производственный фильм. О рабочем, которого перевоспитали в духе морального кодекса строителя. Фильм назывался духоподъемно: "Жизнь начинается". Сняли. Выпустили на экран как драму. Зрители хотели. Оказалось, сняли комедию. Никулин очень серьезно не поддавался перевоспитанию. Фильм остался в памяти под названием "Неподдающиеся", он жив и сегодня.

Хотя без Никулина не прожил бы и года.

Со своей способностью все переводить в человеческое измерение Никулин был обречен всегда играть "второстепенное". И вдруг предложили сыграть главное. Фильмы о войне всегда были у нас официально возвышенными. Снимались эпопеи с вождями. Снимались танковые сражения. Штурмы рейхстага снимались, восславляя славу русского оружия и русской стратегической мысли.

Никулин сыграл человека из неказистых военных будней. Он сыграл тьл войны — короткое "Двадцать дней без войны", где человек может снова стать человеком, на миг вернув себе право отдышаться, подумать, прикоснуться к жизни и любви. Его Лопатин был для всех неожи-

данным, фильм Алексея Германа поражаел своей правдой, совершенно новой и еще неведомой ни кино нашему, ни зрителю правдой военного времени. Герман стремился к достоверности, и он не мог найти для фильма актеров более правдивых, чем Людмила Гурченко, Алексей Петренко и Юрий Никулин, в муках создавших наше новое военное кино. После них уже нельзя было снимать войну, как раньше. Это был рубеж, который тоже можно считать для искусства — принципиальным и историческим.

Из интервью четвертьвековой давности: "Какие человеческие качества вы цените в людях больше всего?" — "Искренность. Юмор".

Никулин мог себе позволить ответить так. Он уже тогда знал, что на самом деле делает человека человеком, а жизнь жизнью. Что соединяет эпохи и не обращает внимания на политические конъюнктуры. Что на самом деле и есть то настоящее, перед которым все наши сиюминутные свары и дразни — как лилипут в мире гулливеров.

Он это знал. Поэтому не признавал в жизни паузы и остановок. Был только в движении, даже в очень большие уже годы признаваясь в своем неугомном "ожидании интересного будущего".

"Думаю, это очень страшно, когда человек всего достигает. Если достигнуть всего, то не зачем жить..."

Это тоже сказано 25 лет назад.

Хотя он достиг всего, о чем можно мечтать, он никогда бы не достиг всего окончательно. Остановиться его мог заставить только несчастный случай. Старость была не для него, он погиб молодым. О том, что происходило в его душе на самом деле, мы всегда будем догадываться только через его улыбку, его невероятный юмор, его глаза мудрого клоуна, который знает куда больше нашего, но говорит на доступном нам языке.

Нового чуда не произошло — Никулин ушел.

Но ничто не отнимет чуда главного и вечного: Никулин к нам пришел однажды, и с ним мы не расстанемся никогда.

В день, когда остановилось сердце Юрия Никулина, в цирке на Цветном бульваре отменили только дневную репетицию. Вечером, как всегда, спектакль. Значит, сердце продолжает биться, только уже в нас.

Возле больницы, где пытались отстоять Юрия Никулина, с утра толпы. Хотя еще побыть вместе.

Во вторник — прощание. На им построенной арене, где смех прервется только на эти скорбные часы. Похороны на Новодевичьем.

Прощаемся, чтобы встретиться снова.

Валерий КИЧИН, «Известия».